

УСТНАЯ РЕЧЬ

Венедикт Ерофеев, Дафни Скиллен

«Я не спешу...»

Подготавливая вместе с Олегом Лекмановым и Михаилом Свердловым второе издание биографии «Венедикт Ерофеев: посторонний», Илья Симановский связался с английской журналисткой Дафни Скиллен, знавшей Венедикта Ерофеева в 1980-х годах¹.

Дафни Скиллен родилась в Шанхае, куда русско-украинская семья её матери эмигрировала из Владивостока. Её отец — грек по национальности — приехал в Шанхай в поисках новой жизни в самом оживлённом и быстро развивающемся городе Азии. Родители говорили друг с другом и с детьми по-английски, и Дафни посещала американскую школу.

В мае 1949 года семье пришлось срочно эмигрировать: Народно-освободительная армия Китая под командованием Мао Цзэдуна наступала, и приход коммунистов к власти был неотвратим. Богатые китайцы и иностранцы покидали страну. Родители Дафни оставались в Шанхае до последнего момента, но, в конце концов, решились на новую эмиграцию. Пассажирские самолёты больше не летали. Отцу удалось уговорить британского пилота транспортного самолёта вывезти семью. Выгрузив чей-то роскошный рояль, лётчик посадил родителей, двух дочерей и их русскую бабушку в самолёт, летевший в Австралию.

Окончив школу и поступив в Сиднейский университет, Дафни получила диплом по политологии, психологии и философии. Переехав вместе с мужем в Оксфорд, она прошла экстерном интенсивный школьный курс русского языка. Потом они поселились в Кентербери, где её муж преподавал философию в университете.

Дафни получила диплом по русскому языку и литературе Лондонского университета, и, проведя год в США, прошла магистерский курс в Университете Колорадо в Боулдере, написав диссертацию о творчестве Андрея Синявского. В 1985 году Дафни защитила докторскую диссертацию на тему «Concepts of myth and utopia in Russian revolutionary literature»² в Лондонском университете.

В 1981–1982 годах, приехав в Москву на языковую практику, Дафни начала работать в Агентстве печати «Новости» (АПН), редактируя переводы материалов советских коллег на английский язык. В этот период она интенсивно общалась с представителями интеллектуальных кругов и приобрела много знакомых среди диссидентов. В 1984 году Дафни, работавшая для британских телевизионных компаний, вдруг оказалась персоной нон грата, и в течение четырех лет ей отказывали в советской визе. Только в 1988 году с наступлением перестройки она смогла вновь поехать в Москву, где снимала телевизионные документальные фильмы. В 1990-х и в 2000-х годах Дафни жила в Москве, работая консультантом для ряда международных проектов в области СМИ и интернациональной помощи в России, бывших советских республиках и странах Юго-Восточной Азии.

В 2017 году она издала книгу «Freedom of Speech in Russia. Politics and media from Gorbachev to Putin»³. Сейчас Дафни Скиллен живёт в Лондоне, продолжает заниматься исследованиями и пишет новую книгу о России.

Познакомившись в 1981 году с Венедиктом Ерофеевым и бывая у него в Абрамцеве и Москве, Дафни Скиллен как профессиональная журналистка взяла у него интервью.

Осенью 1983 года нас с Дафни познакомил мой (тогда будущий) муж Арнольд МакМиллин, профессор русской литературы Лондонского университета. В то время я только приступала к работе над диссертацией «Цитатная структура “Москвы — Петушков” Венедикта Ерофеева», превращённой позднее в монографию⁴. Мы встретились в пабе «The Lamb», который часто посещал живший на соседней улице Чарльз Диккенс. Чрезвычайно живая, смешливая и полная интересных историй Дафни очень понравилась мне. За джином с тоником она рассказывала о своем знакомстве с Венедиктом Ерофеевым, и кое-что из её рассказов я включила в свою книгу. Потом мы не виделись много лет, но в последние годы иногда встречались на докладах в университете и других организациях.

В конце мая этого года я внезапно получила письмо от Дафни, в котором она просила меня вернуть кассету с её интервью с Венедиктом Ерофеевым, данную мне тридцать семь лет назад. В полном изумлении я ответила, что не только не получала от неё кассеты, но даже не подозревала о существовании такой записи. Я была поражена и очень просила её поискать в своих закромах, так как значение такого интервью переоценить невозможно. Проведя следующий день в неутрахающем беспокойстве, я, наконец, увидела в своей почте письмо: Дафни нашла кассету у себя! Оказалось, что после нашего первого знакомства она собиралась отдать мне запись интервью, но из-за бесконечной занятости намерение как-то обратилось в её сознании в уверенность, что она передала мне кассету. В огромной радости и возбуждении я сразу сказала Дафни, что его нужно опубликовать. Она немедленно согласилась, понимая важность интервью для литературного наследия писателя. Но вначале Дафни хотела послушать запись, а магнитофона у неё больше не было. Мы договорились, что через несколько дней Дафни придет в университет, где я устраивала круглый стол, посвящённый пятидесятилетию написания «Москвы — Петушков», и передаст мне кассету, которую мы сможем вместе послушать на нашем стареньком магнитофоне. Она просила не слушать запись до её приезда. Мы все очень беспокоились, что кассета может быть повреждена. Перед приездом Дафни я дважды проверила магнитофон. Он работал. Но когда, весело пообедав, мы уселись на диване, и я вставила кассету, магнитофон закрутился, охнул и испустил дух. Арнольд и Дафни приняли это с британским стоицизмом. Моему разочарованию не было конца. Немедленно я заказала по Интернету новый магнитофон, который мне доставили поздно вечером на следующий день. Я включила его, поставила кассету, и через несколько секунд в комнате зазвучал удивительной красоты баритон и милый смех Венедикта Ерофеева. Не выпуская магнитофона из рук, я дважды прослушала интервью с чувством, что в лондонской ночи со мной происходит настоящее чудо. Той же ночью я написала два письма: Дафни — чтобы сообщить ей счастливую весть о сохранности кассеты. И Илье Симановскому — с тем же известием и попросив его участвовать в публикации этого интервью. Я отдавала себе отчёт в том, что оно всплыло только

благодаря его неутомимой энергии в поиске материалов о писателе. И, конечно, я понимала, насколько его глубокое знание биографии Ерофеева будет неоценимо при написании сносок и комментариев к этой публикации⁵. К моей радости, Илья сразу согласился.

В университетском Медицентре я попросила наших компьютерщиков оцифровать кассету. Через пару дней я получила звуковой файл, расшифровку записи которого мы и предлагаем читателю.

Несколько предварительных замечаний. Известно, что Венедикт Ерофеев часто подрисовывал штрихи и добавлял красок к собственному апокрифу. К любимым мифам, которые он распространял, относится, например, безвыездное детство на Севере. В таких случаях мы приводим, как правило, только один основной источник достоверной информации. Интервью велось самым непринуждённым образом: Ерофеев не знал вопросы и не готовил ответы заранее. Оно проходило вечером после утомительного для него дня, и в его речи встречаются иногда грамматические несоответствия и чуть ломанный синтаксис, присущие спонтанной устной речи. Но и эти моменты передают чувство его живого языка в общении, поэтому мы решили печатать интервью с самым минимальным редактированием. Иногда Ерофеев сознательно меняет произношение слова или отдельных звуков. В таких случаях буквы написаны курсивом. В записи есть перерывы и пропуски, и Дафни больше не помнит, с чем они связаны.

Мы хотели бы выразить своё восхищение Дафни Скиллен, проведшей такое интервью. Из известных на сегодняшний день это самое раннее интервью, взятое у Венедикта Ерофеева, и единственное, где звучит его живой голос, утерянный позднее в результате страшной болезни. Мы хотим сердечно поблагодарить Дафни за доверие и разрешение опубликовать это бесценное свидетельство жизни Венедикта Ерофеева.

Эта публикация не появилась бы в таком виде, если бы не щедрая помощь целого ряда людей, которых мы оба, но особенно, конечно, Илья, хотели бы поблагодарить: Анну Авдиеву, Марка Гринберга, Александра Дымича, Галину Ерофееву, Александра Лаврина, Олега Лекманова и Евгения Шталя.

* * *

Интервью взято 12 июля 1982 года в квартире Галины и Венедикта Ерофеевых в Москве по адресу: улица Флотская, дом 17, корп. 1, кв. 78. Приблизительное время начала интервью — 7 часов вечера.

Дафни Скиллен (далее — *ДС*): Скажи, где ты родился?

Венедикт Ерофеев (далее — *ВЕ*): Ты давай, валяй вопросы. Где родился? Тридцать восьмой год, Заполярье, Кольский полуостров, Мурманская, то есть, область.

ДС: А где ты ходил в школу?

ВЕ: Всё там же, все десять лет школы, с первого по десятый, отбарабанил в средней школе города Кировска Мурманской области⁶. В Хибинах, знаешь такие горы — Хибины?

ДС: Нет, не знаю.

ВЕ: Так вот, такие есть горы на Кольском полуострове. С первого по десятый класс. Причём до десятого класса, то есть до семнадцатилетнего возраста, я ни разу не пересекал Полярный круг с севера на юг.

ДС: Почему?

ВЕ: Ну, так уж, не пришлось, потому что (*смеётся*)... Там родился — и не приходилось никуда выезжать⁷. Так что я впервые в жизни поехал, когда окончил со своей дурацкой золотой медалью школу...

ДС: Окончил с медалью?

ВЕ: Да. Тут же поехал поступать в МГУ, а как раз только что открылось новое высотное здание МГУ⁸. Я тогда впервые этот Полярный круг и пересёк, впервые увидел живую корову и всю остальную экзотику среднерусскую. Тогда экзаменов не было, я просто прошёл собеседование и поступил в МГУ на филфак. Но проучился там всего полтора года. Задурил, естественно, поскольку мне был девятнадцатый год, и на меня свалилась куча разных кризисов — от самого высшего пошиба до самого низшего разбора (*смеётся*)⁹.

ДС: Каких кризисов?

ВЕ: Это уже неважно. Это тема для специального чего-нибудь... Они очень хорошо экстравагантным слогом изложены в «Заметках психопата», как раз годы пятьдесят шестой — пятьдесят восьмой. Они долго хранились у одного моего знакомого¹⁰. Потом он передал их ещё одному своему знакомому, и у того они с концами сгнули когда-то во время переезда с квартиры на квартиру. Они, видимо, выбрасывали все стопы ненужной бумаги и в том числе попало и это... Во всяком случае, в шестидесятом году я в последний раз их видел и с тех пор не видывал. Всё-таки большая потеря...¹¹ Потому что так-то она в высшей степени незрелая, но можно было из неё, переделав досконально совершенно, сделать интересную штуку. Тем более что писано, в основном, в восемнадцатилетнем возрасте.

А потом — здесь всё примерно верно¹², потом работал рабочим на стройке. Тогда как раз строились Черёмушки в Москве. Потом кочегаром, в Москве же. В пятьдесят восьмом году плюнул на столицу, поехал на Украину и работал в геолого-разведочной партии¹³.

ДС: А я не знала, что ты был такой здоровый... человек.

ВЕ (*смеётся*): В геолого-разведочной партии, думаю так. Потом возвратился... Нет, стоп, это ещё до отъезда из Москвы: пятьдесят восьмой — пятьдесят девятый год работал приёмщиком винной посуды в центре Москвы.

ДС: Это завод?

ВЕ: Нет, это ларёк, специальный ларёк — приёмный пункт стеклопосуды. Ты никогда не сталкивалась?

ДС: Нет...

ВЕ: Люди целыми сумками таскают туда всевозможную посуду из-под вина. Девять копеек — маленькая, двенадцать копеек...

ДС: Да, да, конечно. Понимаю.

ВЕ: Сейчас все цены унифицированы, сейчас они все по двадцать копеек, а тогда... . Накопил кучу материала. Ни одна работа мне не доставила столько интересного материала, как эта вот работа. Всего-то четырёхмесячная работа на этом приёмном пункте стеклопосуды...

ДС: *А почему?*

ВЕ: О... Очень интересно, очень интересно, да. Потом что же... В пятьдесят девятом, в конце пятьдесят восьмого плюнул на столицу и поехал в геолого-разведочную партию на Украину. Там работал пятьдесят девятый год. В шестидесятом году — плюнул, в свою очередь, в Украину и работал дежурным в милиции в городе Орехово-Зуеве. Потом вышибли меня из Орехова-Зуева¹⁴, я поехал во Владимир, то есть, дальше nach Osten (*смеётся*). Во Владимире работал библиотекарем¹⁵, потом работал на строительстве шоссе Московской — Пекин, тогда строилась эта дорога. Она как раз проходила через Владимир. Так вот, я строил эту дорогу. Помнишь: «Папаша! Кто строил эту дорогу?» — у Некрасова? «Граф Пётр Андреич Клейнмихель, душенька». И тут же поступил во Владимирский пединститут. Через полгода меня вышибли оттуда...

ДС: *Почему?*

ВЕ: Приказ гласил так: «За идейное, дисциплинарное и нравственное разложение студенчества института». Хотя я учился без единой четверки и при поступлении... Единственный человек в институте получал повышенную стипендию. Она уже не сталинской называлась, а ленинской, по-моему, стипендией или премия... Стипендия имени Лебедева-Полянского¹⁶, что-то в этом роде. Одним словом, несмотря на то, что я первую сессию сдал на все «отлично», меня тут же попросили уйти. Мало того, потребовали органы, чтобы я выехал в сорок восемь часов из города Владимира и Владимирской области. И вообще чтоб не въезжал в пределы Владимирской области. А уж состав преступления не знаю какой... Я, по-моему, только и делал, что лежал, посасывал из горла водку (*смеются оба*)... и группировал вокруг себя людей, которые занимались примерно тем же. И ещё стихами и разве что Евангелием¹⁷.

ДС: *А ты писал тогда?*

ВЕ: Вот тогда написал... Да нет, после изгнания из Владимирского пединститута работал ещё грузчиком и немножко кочегаром во Владимире. Потом после изгнания в шестьдесят первом году... вру, в шестьдесят втором году после изгнания из Владимира поселился в Павлово-Посаде. Там работал на поточной линии на кирпичном заводе. Потом-потом-потом-потом... в Коломне грузчиком на мясокомбинате, тоже Московская область¹⁸. В это время как раз написал «Благую весть». Но она тоже потеряна¹⁹. Она пользовалась успехом у владимирской молодёжи. Её переписывали от руки, я знал даже энтузиастов, которые знали наизусть, хотя она всё-таки размером солидным...

ДС: *А ты не подумал о том, чтобы сохранить свою работу?*

ВЕ: Её сохранили. Я её отдал приятелю — Цедринскому²⁰. Цедринский дал почитать своим друзьям. Кто-то из друзей дал одной из своих тётушек, а тётушка — я уж не знаю... Куда сгинула — один Бог ведает, с шестьдесят

второго же года я её не видел. А потом в шестьдесят третьем году мне повезло, я определился на службу. «Кабельные...» — как же это называлось? Ну, плевать на название организации, одним словом, строительство и монтаж кабельных линий телефонной связи. То есть мы опутывали всю Россию телефонными связями. Ровно десять лет там отгарабанил — с шестьдесят третьего по семьдесят третий, даже десять с нахлёстом²¹. Приходилось работать в Московской области, Владимирской, Ивановской, Горьковской, Тамбовской, Липецкой, Смоленской, Черниговской, Гомельской, Могилёвской, Тульской, в Литве даже, Брянской...

ДС: *А как ты воспринимал это путешествие?*

ВЕ: Какое?

ДС: *Это хождение в народ...*

ВЕ: Это хождение? Да почти ничего оно путного мне не приносило, но у меня было положение таково, что у меня не было ни паспорта, ни постоянной прописки, ни постоянной крыши над головой²². А тут всё-таки в разъездах мы жили постоянно в вагончиках. Знаешь, такие крохотные вагончики, в которых ютятся строители?

ДС: *Да-да-да.*

ВЕ: Мы эти вагончики цепляли и колесили с ними, как циркачи прежних времён свой фургон гоняли из угла в угол. Это хорошо Теофилю Готье было писать своего «Капитана Фракасса» — там всё у него очень выглядит заманчиво, а тут ничего подобного нет. Сплошная грязнотища и всё такое... Одним словом, сплошная харкотина.

ДС: *А в гостинице невозможно было?*

ВЕ: Да какие гостиницы, когда мы всегда в полевых условиях, в поле... Ну, правда, свои записные книжки очень обогатил, распух записными книжками. Во время этих разъездов писал немножко стихи для... Родился сын в шестьдесят шестом году²³. Для него вот я рассказывал...

ДС: *Расскажи, это интересно.*

ВЕ: В начале семидесятых годов стихи в разных жанрах. То есть, начиная с катулловского размера или там с подражания... Сапфической строфой и кончая современным верлибром. Во всех жанрах.

ДС: *Они сохранились?*

ВЕ: Сохранились, но часть из них пустила на растопку моя тёща, то есть матушка моей первой жены²⁴. У меня всё хранилось в Петушинском районе, где в это время жил сын. Я же к нему наезжал ежемесячно.

ДС: *А когда ты поехал в Петушки?*

ВЕ: А в Петушки... Я из Владимирского пединститута вывез одну девицу, и у нас в шестьдесят шестом родился сын. Пришлось срочно с ней обручиться, как говорится, потому что уже истекал месяц. А по истечении месяца младенцу надо давать, во-первых, отчество, а во-вторых, фамилию, разумеется. Пришлось срочно обручаться, прямо в последний день, потому что месяц истекал в этот день. А жену распределили по окончании института в

Петушинский район, село Караваяево. Это ещё автобусом от Петушков к северу. Так что мне приходилось, сколько бы я ни колесил по Руси, примерно каждый месяц приезжать в Петушки. К сыну с гостинцами...

ДС: *Как долго ты жил там, в Петушках?*

ВЕ: Я там почти и не жил, только наезжал туда. Приезжал к сыну, допустим, на три–четыре дня, потом опять исчезал на месяц. Это до семьдесят третьего года.

ДС: *И когда ты написал «Заметки психопата»?*

ВЕ: «Заметки психопата» — это я говорил... Когда я учился на первом курсе МГУ и немножко после изгнания из МГУ, когда пошёл на московскую стройку.

ДС: *Но тогда ты не вернулся в МГУ...*

ВЕ: Нет, не вернулся. И не намерен был²⁵. В семьдесят втором, тут же прямо спустя два года после «Петушков» написал — почти целиком было написано — примерно такого же объёма, чуть-чуть побольше — «Дмитрий Шостакович»²⁶. Но он у меня пропал, у меня его свистнули.

ДС: *Это что значит?*

ВЕ: Что значит (*оба громко смеются*)? Это хорошенький вопрос! Я ехал в электричке поздно вечером и с большого похмелья. И у меня в сумке, в сетке то есть, с собой были две бутылки вина, которые прямо торчали из сумки. А рядом с сумками лежал пакет. В пакете были мои записные книжки. И вот как раз все черновики «Дмитрия Шостаковича», которые надо было просто сесть и переписать набело.

ДС: *Это роман? Повесть?*

ВЕ: Ну, я не знаю... Я в названиях жанра не силен, как угодно можно называть. Я вообще терпеть не могу эти подзаголовки — там, «поэма», «повесть», «роман» или... Какая разница, по существу? Просто «Дмитрий Шостакович». Хотя там речи о Дмитрие Шостаковиче почти нет. Хорошо, если три страницы попадались, где упоминался Шостакович. Он там совершенно ни к делу, и ни к месту, и ни ко времени.

ДС: *Но почему ты назвал это «Дмитрий Шостакович»?*

ВЕ: А «Дмитрий Шостакович» там потому, что по ходу дела начинались сцены не совсем цензурного свойства. И вместо того чтобы описывать то, что не годится для печати, я начинал говорить о Шостаковиче. О том, что такой-то Шостакович — лауреат там трам-пам-пам, почётный командор ордена Почётного легиона, почётный член итальянской академии Санта-Чечилия и всё такое... Одним словом, о Шостаковиче шла речь, пока не кончалась непристойная сцена. Как только она кончалась, повествование продолжалось дальше. Очень весёлое повествование. Но, когда опять случались сцены нехорошие, не для воспитанного слуха, а уж тем более не для советского слуха, хотя не на него было рассчитано, опять приходилось прибегать... дальше говорить о Шостаковиче. Попеременно о его симфониях (*оба смеются*)... Весёлая была вещь. С печальным окончанием. Я, когда её потерял, прямо... У меня её выкрали вместе с сеткой. Я уснул в электричке, а это был вечер

воскресенья, когда всему народу очень *хоц-ца* похмелиться, а уже достать негде — все магазины закрываются самое позднее в восемь. А я ехал уже в позднюю пору, в совершенно почти пустой электричке. Когда я проснулся... То есть кто-то соблазнился этой сумкой. Им все эти рукописи, черновики и не нужны были, никакой им «Шостакович» не нужен, они это, конечно, выбросили из окошка электрички²⁷. Им нужно было вино, а вот эти две бутылки... Если бы я их завернул хорошо в бумагу, ничего бы подобного не случилось.

ДС: *Очень жалко...*

ВЕ: Это семьдесят второй год. Я тогда, когда вышел из электрички и увидел пропажу, упал на траву и рыдал, как Печорин, расставшись с княжной Верой или кем-то там, уже не помню²⁸ ...

ДС: *Ужас такой...*

ВЕ: Вот. И потом попробовал было восстановить, потому что она мне самому очень нравилась. Попробовал восстановить, делал несколько будённовских наскоков на этот сюжет, но уже получалось не то... Безвдохновенно, бескрыло. Так что решил забросить эту затею. Хотя и настаивали очень многие именитые люди, но я отказался от этого. И надолго вообще забросил писание. Если и писал, то крохотные рассказы там, крохотные эссе о ком-нибудь, или по заказу мелкие статьи о поэтах русских начала XX века.

ДС: *Они вышли?*

ВЕ: Да нет, не вышли они, я все их раздаривал именно тому, кто мне их заказывал. И они это всё клеивали в свои альбомы, только и всего. То есть по таким мелким заказам. Вот, например, человек заказывает написать три страницы о Саше Чёрном²⁹. И я ему пишу эти три страницы о Саше Чёрном, он мне за это дарит какую-нибудь книгу, для меня вожделенную. То есть он не берёт денег за книгу, не обменивает её ни на какую другую, а просто с меня требует что-нибудь написать. И всё это хранится в альбомах у разных людей. А так — ничего серьёзного. Ну то есть уже сколько-то лет подряд вынашиваю «Еврейские мелодии». Но пока ещё не нашёл, как говорят шашлычники, шампура... Материала-то бездна, стопы уже лежат. Столько материала, что придётся девяносто процентов отсеивать из того, что накопилось, и оставить только самое наилучшее, наивеселейшее, и, наоборот, — наичернейшее. И даже хочу выкроить пьесу из этого, где гибнут, по шекспировскому образцу, все герои³⁰. Но, в основном, речь идёт о евреях исключительно. Как в «Петушках» речь идёт исключительно как будто бы только о спиртном, и больше как будто бы ни о чём другом, так здесь речь идёт только о евреях.

ДС: *Как называется?*

ВЕ: «Еврейские мелодии»³¹.

ДС: *Кто-то мне сказал, что называется «Семь с половиной евреев».*

ВЕ: Нет, это чепуха. У меня был план написать для журнала «Бронзовый век»³², по их настоянию, «Мои семь евреев». То есть жизнеописания коротенькие тех семи евреев, которые посильнее других на меня оказали влияние. Или просто чуток потрясли хотя бы. То есть самых запоминающихся.

ДС: *Веня, а какие книги очень повлияли на тебя?*

ВЕ: Смотря в какое время... Из самых ранних... В юности — «Преступление и наказание», пожалуй, в шестнадцать лет прочитанное. В восемнадцатилетнем возрасте из самых сильных впечатлений — «Голод» и «Мистерии» Кнута Гамсуна. Уж тут я ходил ошалелый несколько недель, да даже больше, чем недель, и не мог ничего больше в руки брать после этой литературы. Потом, в возрасте примерно девятнадцать — двадцать, ибсеновская полоса началась. В особенности «Бранд», да и «Пер Гюнт», да даже и поздние пьесы, весь Ибсен совершенно с головы до пят. Потом, кто же из литераторов-то... Да, пожалуй, сильнее этого потом и не было. А! Потом, конечно, Стерн³³. Но это уже в возрасте двадцати двух примерно лет. Потом на меня уже навалился своей тяжёлой, грамотной, массой Томас Манн. Томас Манн меня раздавил года на три. Это уже возраст двадцать пять — двадцать восемь лет.

ДС: *Всё это — иностранная литература, кроме Достоевского...*

ВЕ: Кроме Достоевского оказалась только иностранная. Длительных действий на меня среди русских не было никого, пожалуй. Ну и, конечно, стихи. Стихи-то, в основном, конечно, русских поэтов. Если из заморских поэтов — то в русских переводах в хороших. Поэтов-то я, пожалуй, даже больше читал, чем прозаиков. Всех, то есть поэтов от силлабической русской поэзии XVII века и до Николая Заболоцкого, примерно так.

ДС: *Когда ты написал «Москву — Петушки»?*

ВЕ: Вот как раз осенью шестьдесят девятого года, покуда ездил со своим вагончиком³⁴. Мы строили эту кабельную линию связи от станции Лобня с ответвлением на Долгопрудную и в сторону аэропорта «Шереметьево». Совершенно безалаберное время...

ДС: *Но как ты мог вообще писать, когда жил в поле, в вагончиках?*

ВЕ: Да, в поле, в вагончике... В том-то и дело. Нас в крохотном вагончике было восемь рыл. Причём, писать при них было невозможно, потому что каждый из этих обитателей вагончика постоянно справлялся: «А что ты там кропаешь?». Приходилось кропать по ночам. И то спрашивали: «Не пора ли гасить там свет?». Или: «Что ты там, готовишься, что ли, к экзаменам? Всё равно не поступишь никуда. Сейчас никуда, кроме как по блату, не поступишь». Несли вот такую гиль³⁵, мне это всё приходилось выслушивать...

Ну что же делать, раз уж на меня накатило, одолело, я продолжал. Что-то у меня это отняло немного времени — месяца два. Это учитывая, что писалось только урывками, вечерами. Быстро. А «Дмитрия Шостаковича» вообще пришлось писать в сторожке под Москвой, где я охранял склад всего этого кабельного хозяйства, где чуть ли по мне не бегали крысы (*смеются*). Маленькая сторожка, в которой — мой кабинет. Кабинет был примерно в мою длину длиной и в мою ширину шириной. Ровно раскладушка устанавливалась и больше, по-моему, ничего. Да, крохотная-крохотная узенькая скамейка рядом — письменный стол (*смеётся*), «бюро» назовём его... И вот, как на грех, сейчас-то, с семьдесят четвёртого года, когда я поселился в Москве, а уже с семьдесят седьмого года прописан в Москве, и уже созданы, пожалуйста, все комфорта для писания — пишется уже хуже. Чёрт его знает, почему так. То

есть мне-то не к спеху, я не спешу. «Мне некуда спешить», — как писал Самед Вургун, великий азербайджанский поэт, советский, кстати³⁶. Но посмотрим, я всё ещё рассчитываю, что поездка на Север меня немножко порастрясёт...³⁷

ДС: *И потом ты будешь заниматься пьесой?*

ВЕ: Хочу из «Еврейских мелодий» ещё выкроить пьесу. Трагедию непременно. В трёх действиях — и всё действие происходит в приёмном пункте стеклопосуды, винной посуды³⁸.

ДС: *А тебе нравилось разговаривать с рабочими...*

ВЕ: Не очень, не очень. Я их общества почти избегал. Не так, чтобы избегал, но и не очень панибратствовал с ними.

ДС: *Но ты пил с ними?*

ВЕ: Ещё как! Ещё как! Ещё как! Всё, начиная от тройного одеколона и кончая резолью³⁹.

ДС: *И ты всё это испытывал?*

ВЕ: Ну конечно, да ещё задавал иногда тон. Многим мало посвящённым расширял кругозор⁴⁰ в этом отношении.

ДС: *Было скучно с ними?*

ВЕ: Да не совсем скучно... Среди них, во всяком случае, за всё время работы с ними, из пяти — шести тысяч людей, с которыми приходилось хотя бы пить, — я считаю, я с человеком знаком, с которым хоть раз выпил, — так вот, их примерно было тысяч пять — шесть. Из них нашлось штук пять — шесть экземпляров хороших людей. Ну не то что хороших, но более или менее доброкачественных. А так они... Общение с ними не даёт ничего абсолютно. Иногда какие-нибудь их случайные обмолвки, маленькая их придурь даёт какой-нибудь толчок для какого-нибудь поворота прихотливого, глупой мысли... А больше от них толку никакого. Это ж не XIX век, где они учились у русского народа говору и всё такое. А сейчас...

ДС: *Но всё-таки чувствуется большая симпатия к народу в книгах.*

ВЕ: Так ну ещё бы им не симпатизировать, этим беднягам, господи! Кто же тогда им будет симпатизировать? Господь на них плюнул, власти — тоже, по существу, так что...

ДС: *А ты старался, были какие-то попытки официально опубликовать свою работу?*

ВЕ: Нет, никогда, ни разу. Ни одного мгновения в жизни мне не приходило в голову здесь хоть что-нибудь опубликовать. Ни разу. Вот тут я прямо...

ДС: *Просто потому, что знал, что это бессмысленно?*

ВЕ: Да не то что бессмысленно, — и желания не было. Тут уж я совершенно стерильное существо. Ни секунды даже мысли не было. Да и смешно было бы думать...

ДС: *Но когда ты написал «Москву — Петушки» — это было для друзей?*

ВЕ: Я рассчитывал примерно на аудиторию из дюжины человек. И я не подозревал, что спустя восемь лет будет уже не дюжина человек, а дюжина держав (*смеются*) опубликовавших...⁴¹ К вопросу о неисповедимостях...

ДС: Скажи, Веня, когда ты начал пить?

ВЕ: Пить? Ну, вообще-то говоря, до десятого класса меня тщательно оберегала матушка от этого, потому что мой покойный папенька был самый известный во всём городе алкоголик⁴². Он дома не жил никогда, переходил из пивной в пивную... Зарабатывал только тем, что у него никогда за душой ничего не водилось... Он только что вернулся, отсидел непонятно за что семь лет⁴³.

ДС: Он был сломленный человек?

ВЕ: Не совсем. Он был известен ещё своим голосом. Он бродил по городу, всегда в подпитии, хотя и не имел денег... Пел что-нибудь, вроде «Благословляю вас, леса, долины, нивы, горы, воды... // Там-прам-пам-пам. // И одинокую тропинку...»⁴⁴ Или там из «Фауста»: «Привет тебе, приют невинный, // привет тебе, приют священный». Вот такой у него был репертуар. Мне не позволялось даже при встрече с ним... Я иду, допустим, в школу, уже будучи взрослым, девятый–десятый класс — при столкновении не разрешалось ни приветствовать его, ни подавать ему руки, если тот протянет. Матушка боялась не влияния его, а просто самой элементарной наследственности. Так что впервые мне пришлось глотнуть водки — и вообще, спиртного напитка — на выпускном вечере по окончанию десятилетки.

ДС: Сколько тебе было лет?

ВЕ: Мне было шестнадцать, неполных семнадцать. Сепаратно, нелегально, в кустах, на пятерых — одну бутылку водки! И я чувствовал себя лейб-гусаром, экое дерзновение! Ну а потом в МГУ, в связи с неурядицами, ну, там ещё начались маленькие неурядицы такого чисто женского плана, но это более-менее всё понятно... Как-то находясь в слишком тёмном расположении духа, просто сходил и по собственному почину взял себе четвертинку, благо они были... Четвертинка — знаешь, *двухсотпятидесятиграммовые* бутылочки?

ДС: Водки?

ВЕ: Водки, да. Просто её взял и, запершись в аудитории опустевшей вечером, шлёпнул до дна из горлышка. Ну а потом через две недели ещё примерно одну. Ну а потом, когда уже был вышиблен из МГУ... Вышиблен-то я был, разумеется, не за это. А уже когда перешёл на стройку и в кочегары, и всё такое — тут уже стало это каждодневным.

ДС: Это началось, когда ты общался с рабочими?

ВЕ: Не-ет, как раз рабочие тут ни к чему. Наоборот, слишком много рабочих приходилось сбивать с толку юных, и не совсем юных, некоторые даже постарше меня. А так начал совершенно самопроизвольно и изнутри. По Божьему попущению...

ДС: И с тех пор ты пьёшь?

ВЕ: Да, ну как, то есть, пью... Иногда ведь случаются антракты более или менее длительные, от нескольких часов до нескольких месяцев. И ничего. Во всяком случае, восемьдесят второй у меня, по-моему, год с меньше всего выпитым...⁴⁵, ни разу с тех пор, как мне стукнуло восемнадцать лет, никогда я так мало не пил, как в тысяча девятьсот восемьдесят втором году.

ДС: *И как ты себя чувствуешь?*

ВЕ: Прекрасно себя чувствую, за исключением нескольких утр, когда всё-таки пить накануне приходилось. А что будет дальше — неизвестно. Возьму, да как-нибудь и запью. А возьму, да и... Ну, впрочем, об этом так много в последнее время приходилось говорить с друзьями-психиатрами, которые уж слишком: «...готовы на все услуги», — как говорил у Гоголя Городничий дочери⁴⁶.

ДС: *Синявский где-то говорит, что народ пьёт для душевных целей.*

ВЕ: Для каких душевных целей... да мелет твой Синявский. Мне его «Голос из хора» очень не понравился. Совершенно не понравился.

ДС: *Почему?*

ВЕ: Не знаю, какая-то выпрениная манера. Можно простить, что адресовано жене, да ещё из лагеря и всё такое. Но не знаю, для чего эта штука написана. Если не считать двух-трёх коротких реплик, которые он расслышал в этом лагерном быту. А сам Синявский... Вот «Прогулки с Пушкиным» — это прелесть, разумеется. Я прочёл залпом и даже двумя залпами, то есть два раза подряд прочёл. А всё, что Синявский говорит об этой стороне дела, о русском питии — тут он уж дилетант. Хоть он с ними и был тесноват, будучи в лагерях, но, по-моему, мало что понял в этом. Пусть бы не совался...

ДС: *Тебе очень нравится музыка?*

ВЕ: Музыка — да! Пожалуй, чуть ли не больше, чем русская поэзия.

ДС: *Ты играешь на рояле?*

ВЕ: Нет, ни на чём. В отрочестве, в юности пытался играть, но увидел, что у меня получается хуже, чем хреново, и забросил.

ДС: *У тебя здесь есть рояль...*

ВЕ: Ну рояль, что же, потому что слишком много знакомых пианистов. У меня из людей, входящих в квартиру, каждый третий играет. Так что он у меня почти не умолкает, этот рояль. Пусть тешится народ...

Перерыв в записи

(Следующий вопрос на плёнке отсутствует.)

ВЕ: Писалось окрылённо, если выразиться старомодно. Во всяком случае, когда писал, я, уже доехав до Орехова-Зуева, — уже полкниги, ещё не знал, приеду ли я, собственно, в Петушки. Что со мной случится на следующей станции — я не знал. То есть такого, как выражается Константин Федин, всеохватывающего плана, обдуманности от начала до конца — у меня не было абсолютно. Всё являлось само собою. Причём писалось совершенно без черновиков.

ДС: Да?! Первый раз — вот так?!

ВЕ: Совершенно без черновиков.

ДС: И у тебя не было книг, в условиях твоей жизни...

ВЕ: Какие там книги... Просто за день, покуда рылся в земле и прокладывал этот кабель, я примерно обдумывал главу, а вечером, когда возвращался, я её тут же моментально набрасывал в тетрадь, почти не отрывая пера от бумаги.

ДС: Когда работал, писал «Москву — Петушки», ты читал её рабочим, с кем ты пил?

ВЕ: Нет, упаси Бог! Они бы ничего не поняли, ничего.

ДС: А ты называешь её «поэма» — от Гоголя?

ВЕ: Не-ет, я не знаю, кому в голову взбрело назвать это «поэмой». У меня это слово совсем отсутствовало. Я же говорю, что я к названиям — «жанровка» это называют или нет — я к этому совершенно индифферентен. Можно было назвать как угодно... Да лучше никак не называть, потому что некоторые считают, что это не подходит ни под одну категорию ни одного жанра.

ДС: А как ты так хорошо знаешь русский язык, народный язык?

ВЕ: Ну так, господи, поневоле его будешь знать...

ДС: Блат и мат, и всё...

ВЕ: Ну, блат, мат — это несложно было... (*смеётся*), слишком несложно, он всегда был под рукою, не под рукою, а под ухом. Ну, а всё остальное — я всё-таки пишу-то с детства, слава Богу. Первую свою штуку я написал, когда мне было пять лет. Она всего была длиною — что-то такое две странички совершенно детским почерком. Это ещё было за два года до поступления в школу, в первый класс. Я-то этого не помню, но моя покойная матушка, когда меня в последний раз навещала, она рассказывала, что первое сочинение было в пятилетнем возрасте и называлось «Записки сумасшедшего». Уж не знаю, о чём там речь...

ДС: Ты хорошо знаешь Библию?

ВЕ: Да не то что уж досконально, но считаю, что знаю... Считаю, что знаю.

ДС: Ты религиозный человек?

ВЕ: Пожалуй что нет. У меня пиетет перед религией. Я вообще считаю, что... (*долгая пауза*). Ну, господи, кроме Евангелия, ну что же, собственно... Никаких впереди спасений других, по-моему, и быть не может. Не то что уж полная приверженность Евангелию, но хотя бы — принципов евангельской этики...

ДС: Веня, ты очень любишь слушать радио, следить за новостями...

ВЕ: Ещё как! Да, конечно! Ко мне обращаются люди, которые тоже каждый день слушают радио, но почему-то для них это служит фоном. Я только что вернулся из больницы, навещал свою знакомую, которая тоже слушает радио, потому что оно у них там постоянно включено. Она меня

спрашивает: «Ну как там Сальвадор?» Объясняешь ей, что такие-то гондурасские части введены на территорию Сальвадора⁴⁷. О том, как обнимались после третьего итальянского гола испанский король с президентом Пертини на поле, и всё такое⁴⁸. О том, что делается на ханойско-пекинском фронте⁴⁹. Да... Обо всех...

ДС: *А что ты думаешь о событиях Falklands...*⁵⁰

ВЕ: Очень рад, очень рад был за Маргарет Тэтчер. Аплодировал каждому её выступлению, даже каждому телодвижению.

ДС: *А почему?*

ВЕ: Потому что терпеть не могу аргентинский режим и хулиганство. Это, в сущности, мелкое хулиганство — одобрить захват островов, которые не им принадлежат. У меня твёрдое убеждение, что британцы должны были отстоять Фолклендские острова. И не только потому, что это бы разогрело аппетиты тех, которые зарятся на Гонконг, на Гибралтар⁵¹ и всё такое...

ДС: *Ты говорил, что Гальтери репрессировал человека, который тебе очень нравился, репрессировал какую-то партию.*

ВЕ: Да, он всех поголовно репрессировал. И не он первый, те два генерала, что были до него, занимались тем же самым. Во всяком случае, за Фолклендскими островами очень следил. В особенности за приближением эскадры — я отсчитывал дни, когда же, наконец, эта милая моему сердцу эскадра... (*смеются оба*) достигнет берегов этих гнусных аргентинцев. И каждый день — неистовствовал: ну что же они медлят?! Почему же они не начинают штурмовать Порт-Стэнли, Пуэрто-Архентино? И почему такие неудачи поначалу? Уже мои любимые израильтяне врываются в Бейрут, уже их танки под окнами президента Ливана Саркиса⁵², а эти британцы всё ещё возятся в четырёх километрах на подступах к Порт-Стэнли. Я параллельно следил за своими любимцами — за Тель-Авивом и британской эскадрой.

ДС: *Можно сказать, что тебе нравится Англия?*

ВЕ: Англия очень нравится. Даже своими географическими очертаниями на карте (*смеются*). Что-то в этом есть! Сравни хотя бы с дурацкими очертаниями Ирана, допустим. Или даже Бельгии... Какая-то несуразность в самой конфигурации государства. А Британия мне очень по сердцу, да и вообще, британцы... Британцы, если разве что только не в области музыки, так оказали уж слишком сильное на нас на всех воздействие. И уж к британцам-то, кто же равнодушен к ним?

Вторая сторона кассеты

ВЕ: Ну так вот. Музыка, пожалуй, даже большее влияние оказала, чем и поэзия, и проза. И многие почему-то находили в этом следы... Но музыка не манеры XVIII века. Этой всеобщей одержимости вивальдиями, бахами, генделями, альбинонями, чимарозами, монтевердиями, палестринами я не разделяю. А вот уже понемногу, начиная с позднего Бетховена, через Шопена, Шумана, Мендельсона...

ДС: *А Бах?*

ВЕ: И к Баху совершенно равнодушен. Ни одна строчка Баха меня не трогала, ни единая. Если уж любимцев называть, так Густав Малер, Ян Сибелиус, ну, в какой-то степени, Брукнер, Дмитрий Шостакович... Из советских ещё, когда попадёт удачно под расположение духа — Прокофьев. Да иногда даже Кабалевский.

ДС: *А Стравинский?*

ВЕ: Ну и, конечно, Игорь Стравинский. Вот Игорь Стравинский тут не вписывается в картину, поскольку мне-то больше по вкусу музыка прочувствованная, что сейчас почему-то кажется пошловатым. Но мне плевать, как кажется, я не боюсь быть старомодным. Главное — неохлаждённая игра в музыке. Поэтому не могу понять никаких ни куперенов, ни Рамо... Понятнее мне только музыка, начиная с раннего романтизма.

ДС: *А ты занимаешься только классикой?*

ВЕ: Только. И поэтому из нынешних слушаю только тех, на ком обнаруживаю хоть малый след своих любимцев. Борис Чайковский или Альфред Шнитке — из наших. А из западных когда-то очень любил в особенности раннего Мийо, Артур Онеггер даже не так, а вот Дариус Мийо — да, носился... Со штучками Жана Кокто очень носился — с «Быком на крыше» того же Мийо⁵³, с Пуленком... А да, Карл Орф, ещё я забываю — Карл Орф. Вот это — грешен, что забыл, такого человека забыть...

ДС: *А как ты считаешь, Высоцкий, Окуджава...*

ВЕ: Высоцкий, Окуджава — само собой. Это настолько каждодневная любовь к ним, что прямо об этом не говоришь. То есть настолько привычная любовь, как к ближним людям, без которых невозможно. То есть клясться в любви к ним не станешь, поскольку это излишне, как не делаешь это в применении к людям, без которых не обойтись... И меня очень радует, что и русские их любят. Любят, может, немножко с другой стороны и по другим причинам — но всё равно любят. Мне радостно, когда в самых дурных квартирах всё-таки иногда бывают проблески. Из окошка, например, хриплый голос Высоцкого... И уже радостно на сердце и не так черновато смотришь на русских, что-то ещё в них теплится.

ДС: *Я хотела узнать: ты читал фольклор?*

ВЕ: То есть чей фольклор?

ДС: *Русский фольклор или...*

ВЕ: Русский фольклор сам-то по себе, сказки эти, были... Особенно эти глупые былины — терпеть не могу. Но вот русская песня — вот что, пожалуй, даже сильнее всяких влияний... стернов, Рабле, Гоголя, да и музыкальных, Малера... Да и сильнее влияний всяких цветаевых и фетов, и тютчевых, всё-таки — русская песня. Вот это, пожалуй, наититаничнейшее из влияний. «Об этом больно говорить», — как говорил Томас Манн (*смеются*)⁵⁴. То есть русская песня — такая глубинная, основная, без всяких этих весёлых примесей, без того, чем она стала вдруг к концу прошлого века, а уж тем более чем она стала нонче.

ДС: Мне непонятно, а что ты имеешь в виду, когда говоришь «русская песня»? Народная песня?

ВЕ: Русская народная песня... Прямо, начиная от «Липа вековая»...

ДС: А романсы?

ВЕ: Ну, и романсы, но романсы... Вот уже я, например, не могу понять романсы там Метнера или Черепнина, или Катуара, или Гречанинова. Ну, Гречанинов — за маленьким исключением. Вот как раз романс нравится прямо пропорционально близости к настоящей русской песне. Как это называется — глубинная русская... У испанцев есть хороший термин для обозначений этого, у всяких де фалей. Это они называли... или Альбенис — Альбенис, по-моему, это называл *cante hondo*...⁵⁵

ВЕ: А цыганские песни?

ВЕ: О, цыганщина, ну её к чертям собачьим! Как только вклинивается хоть самая малая цыганизованность, вот это меня уже... Я рыло ворочу. Не могу. Поэтому, например, я без ума от романсов Гурилёва, потому что они, по существу, русские песни, но терпеть не могу какого-нибудь Дюбюка, его же современника, с его романсами вроде «Зацелуй меня до смерти — от тебя и смерть мила» или «Ах, почему я не бревно»⁵⁶ там и всё такое (смеются)...

Конец записи

Публикация, вступление и комментарии
Ильи Симановского и Светланы Шнитман-МакМиллин

1 Скиллен Д. «Он искал неподдельность». Английская подруга Венедикта Ерофеева. Беседу вёл Илья Симановский // Радио «Свобода», 2019, 17 августа. URL: <https://www.svoboda.org/a/30110612.html>.

2 Англ. «Концепции мифа и утопии в русской революционной литературе».

3 Англ. «Свобода слова в России. Политика и СМИ от Горбачёва до Путина». — Лондон–Нью-Йорк: Routledge, 2017.

4 Светлана Гайсер-Шнитман (Шнитман-МакМиллин). Венедикт Ерофеев. «Москва — Петушки», или «The rest is silence». — Bern — Frankfurt am Main — New York — Paris: Peter Lang, 1989, Slavica Helvetica, № 30.

5 Расширенный комментарий к этому интервью будет опубликован в сборнике посвящённых Венедикту Ерофееву статей и материалов, который готовят к выпуску в издательстве «Новое литературное обозрение» в 2020 году Олег Лекманов и Илья Симановский.

6 Летопись жизни и творчества Венедикта Ерофеева // Живая Арктика: ред. В. Берлин и Е. Шталь. — Мурманск: Север, 2005, № 1, с. 15–22. В 1945–1947 годах Ерофеев посещал начальные школы вблизи от железнодорожных станций Хибин и Зашеек (Полярные Зори), в 1947–1955 годах учился в школах города Кировска.

7 Лекманов О., Свердлов М., Симановский И. Венедикт Ерофеев: посторонний. — М.: АСТ, 2018, с. 36–39, 48, 61. До переезда в Москву Ерофеев с семьёй и детским лагерем несколько раз пересекал Полярный круг.

8 Высотное здание МГУ было открыто в 1953 году, но филологический факультет, где учился Ерофеев, находился на улице Моховой, в домах 9 и 11.

9 Лекманов О., Свердлов М., Симановский И. Указ соч., с. 68, 74–82, 89; Катаев В. Как доехать до Петушков?; Время, оставшееся с нами. Филологический факультет в 1955–1960 гг. Воспоминания выпускников. — М.: ООО «МАКС Пресс», 2006, с. 168. Ерофеев учился в МГУ с сентября 1955 по январь 1957 года.

10 Ерофеев В. Мой очень жизненный путь. — М.: Вагриус, 2003, с. 491, 576. Ерофеев оговорился, сказав: «Заметки психопата» — название сочинения — «Записки психопата». Рукопись хранилась у Владимира Муравьёва и была опубликована после смерти автора.

11 Маяковский В. Тамара и демон. // Маяковский В. Полное собрание сочинений. — М.: Художественная литература, 1957, т. 6, с. 74: «Я Терек не видел. // Большая потеряшка».

12 Дафни больше не помнит, к чему относится эта фраза, но не исключает, что привезла Ерофееву какое-то иностранное издание или статью с информацией о его биографии.

- 13 Ерофеев В. Указ. соч. — М.: Вагриус, 2003, с. 7; Авдиев И. Эринии и документы // Индекс/Досье на цензуру, 1998, № 4–5, с. 238–242; Лекманов О., Свердлов М., Симановский И. Указ. соч., с. 106–107. Как видно из источников, в перечислении работ, местах и иногда датах Ерофеев в этом интервью не совсем точен. Данные о многих из этих работ отсутствуют в его трудовой книжке.
- 14 С сентября 1959 по октябрь 1960 года Ерофеев учился на филологическом факультете Орехово-Зуевского пединститута. Был отчислен «за академическую задолженность и систематическое нарушение трудовой дисциплины». См.: «Выписки из приказа № 415 по Орехово-Зуевскому педагогическому институту от 18 октября 1960 г.», Архив Государственного гуманитарно-технического университета (ГГТУ) города Орехово-Зуево, дело № 13. «Венедикт Васильевич Ерофеев».
- 15 Ерофеев В. Указ. соч.: в «Краткой автобиографии» к этому изданию (с. 7) и интервью И. Большичеву (с. 518) Ерофеев указывает Брянск как место работы библиотекарем.
- 16 Стипендия имени П.И. Лебедева-Полянского. В 1948 году Владимирскому пединституту было присвоено имя литературоведа П.И. Лебедева-Полянского (1882–1948), которое институт утратил в 2008 году.
- 17 Ерофеев В. Указ. соч., с. 512; Шталь Е. Москва — Владимир — Петушки: Университеты Венедикта Ерофеева // Независимая газета, 2004, 12 августа; Лекманов О., Свердлов М., Симановский И. Указ. соч., с. 133–138. Ерофеев поступил во Владимирский пединститут в 1961 году и был отчислен в январе 1962 года. Помимо вопросов академической дисциплины, институтское начальство было обеспокоено его «моральным обликом», а также чтением и распространением Библии среди студентов.
- 18 Лекманов О., Свердлов М., Симановский И. Указ. соч., с. 159–161. Ерофеев учился в Коломенском пединституте в 1962–1963 годах. Коломенская легенда гласит, что Ерофеев подрабатывал грузчиком в гастрономе «Огонёк», в здании которого сейчас располагается музей «Арткоммуналка: Ерофеев и другие».
- 19 Ерофеев В. Малая проза. — М.: Захаров, 2005, с. 25–37; Ерофеев В. Малое собрание сочинений. — СПб.: Азбука, 2019, с. 239–254. Некоторые главы прозы (в другой редакции «Благовествование») нашлись ещё при жизни писателя. «Благая весть», скомпилированная из нескольких источников, включающих воспоминания друзей Ерофеева, была опубликована после смерти автора в разных редакциях.
- 20 Владислав Цедринский (1940–2010) — друг Ерофеева, упоминаемый в «Москве — Петушках» в главе «Орехово-Зуево — Крутое».
- 21 Авдиев И. Указ. соч., с. 239. Точные даты работы: май 1963 — январь 1973 года.
- 22 Лекманов О., Свердлов М., Симановский И. Указ. соч., с. 85.; Берлин В. Венедикт Ерофеев и «Вопросы ленинизма» // Новая газета, 2010, 20 октября.
- 23 Сын Венедикт родился 3 января 1966 года.
- 24 Первая жена Ерофеева — Валентина Васильевна Зимакова (1942–2000; в замужестве Ерофеева).
- 25 Катаев В. Указ. соч., с. 169–170. По свидетельству В. Катаева, Ерофеев в начале 1970-х годов безуспешно пробовал восстановиться в МГУ.
- 26 Рукопись не найдена, и некоторые исследователи и друзья Ерофеева сомневаются в том, что она существовала.
- 27 Агапов А. Телеграм-канал «Слова и буквы». URL: <https://t.me/wordsandletters>; Ерофеев В. Записные книжки. — М.: Вагриус, 2008, т. 2, с. 5, 42. «Вечер воскресенья» не совпадает с датой кражи записных книжек, обозначенной Ерофеевым в блокноте явно по свежим следам: 19 июля 1972 года пришлось на среду.
- 28 Лермонтов М. Собрание сочинений. — М.: Художественная литература, 1957–1958, т. 4, с. 142. «Княжна» — явно по ассоциации с княжной Мери.
- 29 Ерофеев В. Малое собрание сочинений. — СПб.: Азбука, 2019, с. 390–391. Эссе о Саше Чёрном, написанное в начале 1982 года, Ерофеев подарил исследователю творчества поэта Анатолию Иванову.
- 30 Кроме написанной пьесы «Вальпургиева ночь, или Шаги командора» (1985), Ерофеев работал над пьесой «Фанни Каплан». См.: Лекманов О., Свердлов М., Симановский И. Указ. соч., с. 411–413.
- 31 Ерофеев В. Записные книжки. — М.: Вагриус, 2008, т. 2, с. 385–390; «Вставки для “Еврейских мелодий”» — название одной из записных книжек Ерофеева. Название «Еврейские мелодии», вероятно, заимствовано у Джорджа Гордона Байрона («Еврейские мелодии»; англ. «Hebrew Melodies», 1813), хотя не исключена ассоциация с циклом песен Дмитрия Шостаковича «Из еврейской народной поэзии» (1948).
- 32 «Neue Russische Literatur» (NLR), ed. V. Len, G. Mayer, R. Ziegler, Universität Salzburg, Salzburg, 1978–1982; «Бронзовый век» — неофициальное название альманаха среди интеллигенции.
- 33 О влиянии Стерна см.: Ерофеев В. «Москва — Петушки» с комментариями Эдуарда Власова. — М.: Вагриус, 2000, с. 123.
- 34 В письме Светлане Гайсер-Шнитман Ерофеев указывает следующие даты написания: 18.01.1970 — 7.03.1970: см.: Гайсер-Шнитман С. Указ. соч., с. 21. Но Игорь Авдиев утверждает, что читал часть книги в ноябре 1969 года: см. Авдиев И. Несколько монологов о Венедикте Ерофееве // Театр, 1991, № 9, с. 107, 109.
- 35 Гиль (устар.) — вздор, чепуха.

- 36 Вурзун С. Я не спешу...: пер. К. Симонова, см.: Симонов К. Собрание сочинений в 6 томах. — М.: Художественная литература, 1966, т. 1, с. 535.
- 37 В июле 1982 года Ерофеев с Николаем Болдыревым, сестрой Болдырева Татьяной и Владимиром Кривцуном предприняли поход на моторной лодке по Северной Двине от Великого Устюга до Архангельска. См.: Лекманов О., Свердлов М., Симановский И. Указ. соч., с. 347–348.
- 38 Место действия неоконченной пьесы «Фанни Каплан» — приёмный пункт стеклотары. См.: Лекманов О., Свердлов М., Симановский И. Указ. соч., с. 412.
- 39 См.: Лекманов О., Свердлов М., Симановский И. Указ. соч., с. 229–230.
- 40 Автоцитата из «Москвы — Петушков», см.: Ерофеев В. Мой очень жизненный путь, с. 138.
- 41 К тому времени «Москва — Петушки» вышла в Израиле на русском языке и в шести европейских странах в переводах.
- 42 Ко всем сведениям Ерофеева об отце, его работе и песенном репертуаре следует относиться с осторожностью: по свидетельству сестёр Ерофеева, Нины Фроловой и Тамары Гущиной, утверждения брата об алкоголизме отца очень преувеличены. Они вспоминали, что до пребывания в Гулаге Василий Васильевич Ерофеев был человеком жизнерадостным, любил петь оптимистические советские песни, был опрятен и всегда держался с большим достоинством. Он неоднократно получал награды и поощрения за хорошую работу на железной дороге; см.: Лекманов О., Свердлов М., Симановский И. Указ. соч., с. 28–29.
- 43 Лекманов О., Свердлов М., Симановский И. Указ. соч., с. 40–42. Василий Ерофеев был осуждён в 1945 году по статье 58, пункт 10 УК РСФСР и был в заключении до 1950 года. Через несколько лет был осуждён вторично, но актирован по состоянию здоровья.
- 44 Романс П.И. Чайковского на стихи А.К. Толстого.
- 45 Лекманов О., Свердлов М., Симановский И. Указ. соч., с. 345–346. Относительно длительная трезвость связана с попаданиями в 1982 году на почве алкоголизма в московскую больницу № 1 имени П.П. Кащенко.
- 46 Гоголь Н. Собрание сочинений. — М.: Художественная литература, 1962, т. 2, с. 87 (из письма Хлестакова: «...готова сейчас на все услуги»).
- 47 В гражданской войне в Сальвадоре (1979–1992) время от времени принимали участие подразделения гондурасской армии.
- 48 Чемпионат мира по футболу проходил в 1982 году в Испании. В финальном матче принимали участие команды Италии и ФРГ. Матч кончился победой итальянской команды со счётом 3:1.
- 49 Вооружённые столкновения между Китаем и Вьетнамом продолжались с 1979 по 1990 год.
- 50 Война между Великобританией и Аргентиной (2 апреля — 14 июня 1982 года), оккупировавшей принадлежавшие Великобритании Фолклендские и прилегающие к ним острова, окончилась победой Великобритании. Порт-Стэнли (исп. Puerto Argentino) — столица Фолклендских островов.
- 51 Бывшие Британские колонии. Гонконг был передан Китаю с сохранением специального статуса в 1997 году; Гибралтар, по желанию жителей, остаётся Британской территорией. Права на владение Гибралтаром оспаривает Испания.
- 52 В 1982 году началась военная операция Израиля на территории Ливана с целью уничтожения баз Организации освобождения Палестины (ООП). Осада Бейрута — ключевой эпизод военной операции, в результате которой формирования ООП были вынуждены покинуть страну. Ильяс Саркис — президент Ливана в 1976–1982 годах.
- 53 Либретто балета Дариуса Мийо «Бык на крыше» было написано Жаном Кокто в 1919 году. Впервые балет был поставлен в 1920 году.
- 54 Ерофеев В. Записные книжки 1960-х годов. — М.: Захаров, 2005, с. 604: «И Томас Манн в 42 г.: “И это такая простая правда, что больно говорить о ней”».
- 55 Исп. «глубокое пение».
- 56 Досл.: «Ах, зачем я не бревно?».